

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Л. от 29 декабря 2020 года (вх. № ... от 30 декабря 2020 года) в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 31 марта 2021 года дисциплинарное производство в отношении адвоката П. по дисциплинарным обвинениям в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей в период до 19 января 2019 года, включая обвинения в ненадлежащем оказании юридической помощи при допросах Л. в качестве свидетеля 24 июля 2018 года и 22 августа 2018 года, при проведении 10 сентября 2018 года очной ставки с А., при задержании и допросе Л. в качестве подозреваемого 21 июня 2018 года, при предъявлении Л. 03 декабря 2018 года обвинения и допросе в качестве обвиняемого, при обращении 10 января 2019 года с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а также в передаче А. перед очной ставкой 10 сентября 2018 года сведений, составляющих адвокатскую тайну, вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности.

Кроме того, Квалификационная комиссия в том же Заключении пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката П. по жалобе Л. от 29 декабря 2020 года (вх. № ... от 30.12.2020), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Заявитель Л. направил в адрес Адвокатской палаты города Москвы электронной почтой письмо от 26.05.2021, в котором сообщил о невозможности принять участие в заседании Совета (вх. № ... от 27.05.2021).

Адвокат П. направил в адрес Адвокатской палаты города Москвы заявление от 21.05.2021, в котором подтвердил получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии полностью согласился. Также уведомил, что в связи с командировкой в город

Калининград не сможет принять участие в заседании Совета Адвокатской палаты города Москвы. Дополнительно адвокат П. сообщил, что Л. признан виновным в совершении трех эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ и ему назначено наказание в виде семи лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима (вх. № ... от 25.05.2021).

Руководствуясь положениями пункта 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, определяющего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, Совет рассмотрел дело в отсутствие адвоката П. и заявителя Л.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, признаёт фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым частично изменить основания прекращения дисциплинарного производства.

Так, установлено, что в ходе проводившейся оперативными сотрудниками доследственной проверки заявитель Л. 10 августа 2016 года и 14 июля 2017 года давал письменные объяснения об обстоятельствах закупки АО «А.», работником которого он ранее являлся, оборудования у поставщика ООО «Р.». Впоследствии по результатам проверки было возбуждено уголовное дело № ..., находившееся в производстве Следственного департамента МВД РФ.

11 июня 2018 года Л. был допрошен в качестве свидетеля, а 21 июня 2018 года задержан в качестве подозреваемого и в помещении изолятора временного содержания (ИВС) допрошен по уголовному делу, после чего из ИВС был освобожден.

24 июля 2018 года Л. был повторно допрошен в качестве свидетеля. В тот же день, до допроса Л., по указанному уголовному делу в качестве свидетеля была допрошена Д. 22 августа 2018 года Л. был еще раз допрошен по уголовному делу в качестве свидетеля. 10 сентября 2018 года между находящимся в статусе свидетеля Л. и свидетелем А. проведена очная ставка. При указанных следственных действиях юридическую помощь Л. оказывал адвокат П. Он же представлял интересы Д. при ее допросе в качестве свидетеля.

03 декабря 2018 года Л. с участием адвоката П. предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ, и он был допрошен в качестве обвиняемого. В тот же день обвиняемый Л. обратился с поддержанным его защитником адвокатом П. ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве со следствием. 10 января 2019 года прокурором с Л. такое соглашение было заключено.

18 июня 2019 года из уголовного дела № ... было выделено уголовное дело № ..., после чего с 21 по 24 июня 2019 года Л. совместно с защитником адвокатом П. осуществлял ознакомление с материалами выделенного уголовного дела.

Впоследствии уголовное дело в отношении Л. поступило для рассмотрения в М. районный суд города Москвы, где, в связи с отказом Л. от

ранее заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве, было рассмотрено в общем порядке.

Рассматривая доводы жалобы заявителя и оценивая действия адвоката П. в связи с избранной Л. при расследовании уголовного дела позицией, Совет, как и Квалификационная комиссия, обращает внимание на то обстоятельство, что еще до возбуждения уголовного дела Л. был дважды в отсутствие адвоката П. опрошен сотрудниками полиции относительно обстоятельств осуществления ОАО «А.», где Л. работал, закупки оборудования у компаний ООО «Р.» и ООО «М.», и при опросах он подтвердил, что участвовал в оформлении указанной закупки, действуя по указанию своих руководителей К. и Х. На совершение им самим каких-либо противоправных действий Л. при опросах не указывал.

После задержания, имевшего место 21 июня 2018 года, Л. с участием адвоката П. был допрошен в качестве подозреваемого. В ходе допроса Л. признал факты нарушения законодательства при проведении АО «А.» закупок оборудования, сообщив, в частности, что ООО «Р.» было им подобрано в качестве участника и будущего победителя при отборе поставщика по указанию К. При этом оборудование должно было быть закуплено по завышенной цене. За это он получил от А.А. 100.000 рублей. Л. признал, что был осведомлен о том, что многие закупки в АО «А.» фиктивны, «и подстраивались К., который определял заранее победителей».

Затем при допросе в качестве свидетеля 24 июля 2018 года, проводившемся с участием адвоката П., Л. уточнил свою позицию и дал более развернутые показания, сообщив, что поставщиков ООО «Р.» и ООО «М.» для осуществления поставки в адрес АО «А.» подобрал он лично через знакомого В., действуя по указанию А.А. Было согласовано, что указанные поставщики поставят оборудование по «нужной цене», которая являлась завышенной. И далее Л. содействовал В. и А.А. в оформлении закупки у компании ООО «Р.». Также в оформлении закупки участвовали А. и Д. При этом Л. признал, что передавал В. просьбу А.А. о выплате «отката» в размере 3.000.000 рублей, обсуждал с В. и А.А. вопрос об «обналичивании» указанных денежных средств, вместе с А. ездил на встречу для их получения и впоследствии передал деньги в указанной сумме А.А. и Х., получив от последнего 400.000 рублей.

Также Л. признал, что уже после увольнения из АО «А.» по просьбе А.А. участвовал в организации еще одной закупки оборудования у ООО «Р.» по «нужной цене», передав при этом 1.500.000 рублей вознаграждения А.А. и получив лично 550.000 рублей от руководителя ООО «Р.». Полученные им лично и переданные А.А. денежные средств Л. определил как «похищенные вышеуказанным способом», фактически признав свою причастность к противоправным действиям и высказав готовность «полностью содействовать следствию в изобличении преступной деятельности вышеуказанных лиц в том числе в ходе проведения следственных действий и ОРМ».

Затем при допросе в качестве свидетеля, имевшем место 22 августа 2018 года, также проведенном с участием адвоката П., Л. дал развернутые

показания, при этом придерживаясь избранной на допросе 24 июля 2018 года позиции, сообщив, что в АО «А.» существовала практика закупок оборудования по заранее определенной руководством «нужной цене» с имитацией выбора поставщика на основании рыночных критериев, при этом его руководством и им лично от поставщика получалось вознаграждение.

Таким образом, Л. при допросах в качестве свидетеля признал свое участие в противоправных действиях.

Впоследствии Л. придерживался описанной позиции при проведении следственных действий, включая очную ставку с А. 10 сентября 2018 года, допрос в качестве обвиняемого, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором, и вплоть до 13 февраля 2020 года, когда Л. при рассмотрении М. районным судом города Москвы уголовного дела по существу от досудебного соглашения о сотрудничестве отказался и свою позицию изменил на непризнание вины.

Доказательства какого-либо психологического либо иного воздействия на Л. при формировании им описанной защитительной позиции со стороны адвоката П., равно как и со стороны иных лиц в присутствии либо с участием адвоката П., при рассмотрении дисциплинарного производства не представлены, поэтому утверждение Л. о таком воздействии доказанным считаться не может. Также не является доказанным обещание адвокатом П. доверителю Л. того, что в случае избрания описанной позиции, тот останется в процессуальном статусе свидетеля и к уголовной ответственности привлечен не будет.

На основании изложенного Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о том, что признаки очевидного самооговора в избранной Л. позиции отсутствовали, а значит, адвокат П. должен был при оказании Л. юридической помощи данной позиции придерживаться, что он и делал. При этом следует заметить, что с учетом избранной Л. позиции, адвокатом П. осуществлены необходимые действия по защите прав и интересов доверителя, направленные на смягчение наказания, которое Л. могло быть избрано судом: поддержано ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором, предоставлены положительно характеризующие личность Л. доказательства, заявлено удовлетворенное следователем ходатайство о признании смягчающих обстоятельств, оказано содействие в погашении Л. ущерба от преступления. При таких обстоятельствах действия адвоката П. по поддержанию позиции Л. по уголовному делу, в частности, при заключении с прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве, Совет признаёт соответствующими требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Кроме того, Совет не усматривает конфликта интересов между Д. и Л., поскольку они на момент допроса Д. они оба имели статус свидетелей. Будучи допрошенной, Д. дала общие показания относительно организации закупок в АО «А.» и своей роли в этом процессе. В отношении Л. сообщила, что он ей известен по работе в АО «А.» и потом – в ООО «ИК «Г.». В АО «А.» Л., в том числе, занимался оформлением закупок. Также она показала, что Л. поставил

ее в известность о содержании ранее данных им в качестве подозреваемого показаний, а именно, что он сообщил об осуществлении им подбора организаций – поставщиков оборудования по указанию К. Свое участие в каких-либо противоправных действиях, как и осведомленность о них, Д. отрицала. Никаких утверждений об участии Л. в незаконных действиях Д. при допросе 24 июля 2018 года с участием адвоката П. не делала, показания о своей причастности к противоправным действиям Л. дал сам в тот же день, без какой-либо связи с допросом Д. Впоследствии ни в каких следственных действиях с Д. адвокат П. не участвовал.

Содержащееся в постановлении заместителя Московского прокурора по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах Р. от 01 августа 2019 года о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия указания о нарушении адвокатом П. положений ст. 72 УПК РФ Совет принимает во внимание, однако, не будучи связан позицией прокурора, на основе собственного анализа материалов считает изложенные выше выводы об отсутствии конфликта интересов соответствующими обстоятельствам дела.

Не усматривает Совет и конфликта интересов М. и А. с интересами Л., поскольку доказательства такого конфликта в ходе дисциплинарного разбирательства не представлены.

Кроме того, при рассмотрении дисциплинарного производства установлено, и не отрицается заявителем Л., что при расследовании уголовного дела его фигуранты, включая Л. и А., обсуждали обстоятельства уголовного дела между собой, стараясь выработать с участием адвоката П. не противоречащие друг другу позиции. Представленное Л. электронное письмо с показаниями последнего, направленное адвокатом П. 22 января 2019 года в адрес получателя «А.» <...@icloud.com>, было им получено от адвоката П. именно в рамках описанного взаимодействия. Аналогичным образом адвокат П. направлял Л. показания А. Поскольку описанный обмен информацией происходил с согласия Л., Совет приходит к выводу о том, что разглашение адвокатом П. сведений, составляющих адвокатскую тайну, в описанных действиях отсутствует.

Довод Л. о фактическом незнакомлении адвоката П. с материалами уголовного дела Совет также признаёт необоснованным, так как представленным Л. графиком подтверждается его совместное с адвокатом П. ознакомление с материалами уголовного дела за четыре дня, в каждый из которых они знакомились с двумя – четырьмя томами. Помимо этого, адвокат П. представил светокпии материалов уголовного дела и продемонстрировал осведомленность относительно его обстоятельств.

Возражая против довода заявителя Л. о незаключении в простой письменной форме соглашения на оказание тому юридической помощи, адвокат П. представил заключенное им в простой письменной форме с М. Соглашение об оказании юридической помощи по уголовному делу от 20 июня 2018 года № ..., согласно которому адвокатом П. принято поручение «...защищать и права, и законные интересы Л., оказывать юридическую

помощь на условиях настоящего соглашения. Предмет поручения: представление интересов и защита в правоохранительных органах РФ, в том числе в Четвертом следственном управлении МВД».

Возможность заключения соглашения об оказании юридической помощи не с ее получателем, а с иным лицом, но в пользу получателя, прямо допускается п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Заявитель Л. при рассмотрении дисциплинарного производства не оспаривал то обстоятельство, что вплоть до 13 февраля 2020 года юридическая помощь оказывалась ему адвокатом П. с его согласия. На основании изложенного Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что основания для вывода о неисполнении адвокатом П. профессиональных обязанностей перед доверителем Л. в части формализации отношений с последним отсутствуют.

Совет считает необходимым изменить предложенное Квалификационной комиссией основание прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся действий адвоката П. в период до 19 января 2019 года, которые заявитель Л. считает ненадлежащим оказанием ему юридической помощи.

Как справедливо отметила Квалификационная комиссия в своём Заключении, с момента начала доследственной проверки в 2016 году и вплоть до 13 февраля 2020 года Л. придерживался первоначально избранной им позиции в отношении являющихся предметом расследования обстоятельств, а также по вопросу о собственной виновности в совершении инкриминируемого деяния. При этом Квалификационная комиссия, признавая необоснованными претензии заявителя к профессиональному поведению адвоката П. после 19 января 2019 года, ссылается, в том числе, на материалы дела, которые относятся к событиям, находящимся за пределами сроков давности: объяснения Л. от 10 августа 2016 года и 14 июля 2017 года, его же показания от 21 июня, 24 июля, 22 августа и 10 сентября 2018 года, показания Д. от 24 июля 2018 года. При этом какой-либо упречности в профессиональном поведении адвоката П. в течение всего продолжающегося периода оказания юридической помощи Л. в ходе дисциплинарного разбирательства не выявлено.

Совет в своей деятельности исходит из того, что одной из важнейших целей дисциплинарного производства является защита адвокатов от необоснованных обвинений. Подобный подход в полной мере соответствует традициям российской (присяжной) адвокатуры, исходившей из того, что для присяжного поверенного должно быть дорого полное выяснение обстоятельств дисциплинарного дела и снятие нареканий с него; в этом заинтересовано и все сословие, так как нарекания на кого-либо из его членов отражаются на всем сословии (См., например: Марков А.Н. Правила адвокатской профессии в России. - М., 1913, [112]). Поэтому при установлении в процессе разбирательства надлежащего поведения адвоката Совет считает важным отразить данный факт в своём решении, не оставляя в этой части каких-либо сомнений.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым дать оценку всех взаимосвязанных действий адвоката П. в течение всего периода продолжающегося оказания юридической помощи Л. и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в полном объёме в связи с отсутствием в действиях адвоката П. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) по жалобе Л. от 29 декабря 2020 года (вх. № ... от 30.12.2020), вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков